

---

---

Владимир СПЕКТОР

## «ЖИЗНЬ БЫЛА ЕЩЕ ВСЯ ВПЕРЕДИ...»

Новый 1973 год я встречал дома с родителями и братом. Казалось бы, это само собой разумеется для такого домашнего и застенчивого молодого человека, каким был я. Но не совсем так. В то время я был на дипломной практике в Колумне и только на несколько дней мог вернуться домой в Луганск (точнее, тогда Ворошиловград). Впрочем, сделать это было нетрудно: самолеты летали ежедневно, и билет стоил столько же, сколько и железнодорожный в купейном вагоне, то есть 16 рублей.

Не осталось в памяти ничего из того, чем могла бы запомниться новогодняя ночь. Видимо, все было настолько традиционно, что память без сожаления вымела свои закрома и подготовила их для чего-то более необычного. Оно ведь тоже встречалось. Могу с уверенностью утверждать, что на праздничном столе были неизменные салаты оливье, наполеон, шампанское... И что «Голубой огонек» был в меру интересен, но мера эта была аскетически скромная. Год мне предстоял насыщенный событиями: нужно было сделать и защитить дипломный проект, получить диплом об окончании института, а вместе с ним — и распределение, поработать и благополучно отбыть на военную службу. Все это в конце концов реализовалось, и кое-что из моей личной хронологии заняло свое место на неубираемых полках памяти. А вот тысячи важных и судьбоносных (как тогда говорили) событий мировой истории того года пролетели мимо нее, не оставив, к удивлению, никаких следов.

Это сейчас, заглянув в бездонный подвал Википедии, не то чтобы вспоминая, просто словно заново узнаю, что год был бурным и событийным: Никсон во второй раз вступил в должность президента США, а Брежнев получил партийный билет за номером два (номер первый был выписан посмертно Ленину). Кстати, любопытна аналогия с президентом Трампом, который, подобно Никсону, любезно встречался с кремлевским лидером, и оба имели большие неприятности со своими политиками, причем у Никсона они завершились утергейтом и отставкой, а у Трампа... Американские войска в том году покинули Вьетнам, а война Судного дня между арабскими странами и Израилем еще раз подтвердила, что евреи умеют воевать не хуже, чем играть на скрипках. В том году погиб харизматичный Сальвадор Альенде, и на смену ему в Чили пришел Пиночет, убивший певца Виктора Хару и мучивший коммуниста

---

Владимир Спектор родился в Луганске. Редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы, изданных в Донецке, Луганске, Киеве, Москве. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе имени Юрия Долгорукого, имени Арсения Тарковского, имени Сергея Михалкова. Публиковался в журналах «Слово/Word», «Новый континент», «Новый берег», «Радуга», «Сетевая словесность», «Дети Ра», «Связь времен», «Зарубежные задворки», «Этажи», «Берега», «Чайка», «Золотое руно», «Камертон», «Литературная Канада», «Особняк», «Интер-Фокус», «Новый Гильгамеш», «Клаузура» и других. С 2015 года живет в Германии.

Луиса Корвалана. В Греции власть захватили «черные полковники» (мне они еще аукнутся в армии), а Керчи и Новороссийску с большим опозданием присвоили звания городов-героев (видимо, уже тогда задумывалась эпопея «Малая земля», которая к 1980 году стала невыносимо большой и плавно перешла из разряда эпопеи в анекдоты). Запускались космические корабли, летали спутники, а Рижский вагоностроительный завод выпустил первый электропоезд, и ездили эти поезда по всем железным дорогам от Прибалтики до Дальнего Востока.

В родном Ворошиловграде (имя «Луганск» городу вернется только в 1990 году) время тоже не стояло на месте. Началось строительство оригинального железнодорожного вокзала, и сегодня — одного из самых красивых, но, увы, не востребуемых. Город радовал глаз обилием фонтанов, цветов. Но в первую очередь это был промышленный центр. Тепловозы, станки, другое оборудование, автомобильные прицепы, обувь (пусть и не самая модная), конфеты — все это и многое другое составляло смысл жизни и развития. В том году «Заря» не смогла продолжить лидерскую поступь и заняла седьмое место в чемпионате страны. Но зато впервые выступила в кубке чемпионов, где отметилась и победами, и, к сожалению, поражениями. Добивались успехов в волейболе и баскетболе «Искра», «Динамо», «Автомобилист»... До Московской Олимпиады еще было далеко, но девизы «Быстрее! Выше! Сильнее!» для Луганска и тогда не были пустыми звуками.

А какие фильмы появились в том году!.. «Семнадцать мгновений весны», «В бой идут одни старики», «Калина красная», «Иван Васильевич меняет профессию», «Амаркорд»... Вышли замечательные книги Владимира Богомолова («В августе 44-го»), Эдуарда Успенского («Про дядю Федора»), Бориса Васильева («Не стреляйте в белых лебедей»), Юрия Трифонова («Нетерпение»)... Да и в музыке много было чего интересного — от живых и здравствовавших «Битлз» до «Самоцветов», «Веселых ребят» и «Поющих гитар» (и «Червонных гитар» тоже).

Такой, оказывается, интересный был год (и Парфенов потом об этом блестяще расскажет и покажет), но в первые дни января об уникальности времени совершенно не думалось, нужно было возвращаться в Коломну, что я и сделал с чемоданом, в котором были диковинная даже для Подмосковья луганская копченая колбаса и незабываемые мамины пирожки.

Мы на практике в Коломне. Мы студенты. Пятый курс.  
В полугоде от диплома, вдалеке от брачных уз.  
В голове у нас столица, до которой два часа.  
Свищет в форточке синица, пахнет домом колбаса.  
Дни за днями мы считаем. Что-то чертим, что-то знаем.  
Дарим Людочке цветы. В полугоде от диплома...  
Ничего не помню, кроме ощущения высоты.

Не менее диковинной (особенно по нынешним временам) была и сама практика, которая длилась с середины ноября по 5 марта, почти полгода. Нас в Коломне было четверо, и мы жили в заводском общежитии, которое по степени комфорта недалеко ушло от мест проживания пенитенциарной системы, но нас это почти не огорчало. Было весело и интересно. В выходные дни мы ездили в Москву, и это компенсировало весь дискомфорт. Воздух столицы был пьянящим, а столовые (и даже кафе) в центре сытными и недорогими. Мы просто гуляли, не проходя мимо музеев, заглядывая в магазины (тоже как в музеи), а один раз попали даже в Дворец спорта на хоккейный

матч турнира на приз «Известий». Кто играл, не помню. Матч был второстепенный (иначе билетов бы мы не купили), но «Шайбу, шайбу!» орали с восторгом. Возвращались, правда, уже поздно, но «трус не играет в хоккей». И мы себе приказали не трусить. Добрались без происшествий. Минимум полдня мы проводили на Колом-заводе (так все называли Коломенский тепловозостроительный завод), в конструкторском отделе в «бюро установок». Запомнилось чудное поздравление с днем Советской армии, написанное на листе ватмана и прикрепленное к чертежной доске, добрые и веселые пожелания которого завершалось изумительной подписью «Женщины БУ». Вообще, атмосфера в бюро была интеллигентная и творческая. Вероятно, определял ее руководитель — известный конструктор, изобретатель Лев Давидович Юз, человек громогласный, насколько высокоэрудированный, настолько и остроумный. И при всей своей требовательности доброжелательный. Как-то увидев, что я, склонившись над доской, мучительно всматриваюсь в громадный чертеж, пытаюсь понять что и как, он, проходя мимо, спросил: «Чем озабочен?» — «Просто думаю», — ответил я. На следующий день он принес надувную подушечку и преподнес ее мне: «Вот тебе подушка-думка, чтобы думалось лучше. И поспать удобно...» Но думалось и так неплохо. Нам с Анатолием Ручкой достался общий дипломный проект, один на двоих. Это был тепловозный двигатель с системой автоматического регулирования турбонаддува. То есть дизель должен был реагировать на любые изменения окружающей среды, соответственно подстраивая свои параметры. Учитывая, что это был 1973 год, тема была сложная (она и сейчас проще не стала), и не зря наш институтский руководитель Александр Георгиевич Рыбальченко разрешил воспользоваться разработками своей кандидатской диссертации. Заглядывая вперед, могу сказать, что благодаря этому (и доброй поддержке Л. Д. Юза) справились с заданием мы успешно. И потому, когда заходит речь о застойных временах, я вспоминаю наш проект — и где в нем застой? В Коломне застой проявлялся в гастрономах, где вершины изобилия прорастали из пирамид банок подозрительных консервов «Завтрак туриста», и в столовой напротив заводской проходной, где мы познакомились с неприветливыми блюдами «щи суточные» и «тефтели паровые». Знакомство оказалось краткосрочным. Как выяснилось, рядом, на маленьком вокзальчике станции Голутвин, был крошечный ресторан (!), и цены в нем были щадящими, а вкус блюд (рассольник по-ленинградски и лангет), может, и не ресторанным, но и не столовским. Ужинали мы в общежитии, где можно было пожарить картошку и отведать плодово-ягодного вина из так называемых огнетушителей — здоровенных бутылок зеленого стекла (так вот оно какое, зеленое вино, сказал мой сосед по комнате и поперхнулся). Там, кстати, я впервые услышал словосочетание «коктейль Молотова» — общежитейские старожилы именно так называли этот неизысканный напиток.

Незамысловатость быта скрашивала не только молодость, но и дружба, наличие в общежитии небольшой, но приличной библиотеки, а также синички, которых мы с удовольствием прикармливали, устроив возле форточки привлекательную для них посадочную площадку. По пятницам ходили в баню, и это было еще одно благополучно пройденное суровое испытание. Вообще, Коломна тех лет осталась в памяти длинной, устойчиво снежной зимой, несколькими открытыми хоккейными площадками и катками (интереса не вызвавшими, ибо кататься на коньках никто из нас не умел), бесконечной улицей Октябрьской Революции, проходящей через весь город, церковными сооружениями в центре, где располагался универмаг и еще какие-то бесполезные для нас магазины, и невинным и бескорыстным флиртом с архивариусом конструкторского бюро Людочкой. Корысти и правда не было, но все нужные для дипло-

ма чертежи мы получили от нее не просто так, а с улыбкой. Все меняется, и сейчас, насколько мне известно, Коломна стала красивым и достаточно ухоженным городом, а Коломзавод по-прежнему успешно работает, выпуская тепловозы и двигатели. В отличие от дружественного для него и родного для нас Лугансктепловоза.

Последняя институтская весна запомнилась осуществлением школьных мечтаний о вольной студенческой жизни. Вообще, учеба в машиностроительном институте оказалась сложной и совершенно свободной от легкости и непринужденности. Строгий контроль посещаемости, бесконечные и безразмерные домашние задания, курсовые работы, проекты, зачеты... Это было еще похлеще школы. Наверняка кто-то плевал на всю эту тягомотину и отдавал дань заманчивым атрибутам студенческих лет, выпивая, закусывая и предпочитая аудиториям места, более привлекательные для души и тела... Но я старался. Мне было важно доказать самому себе, прежде всего, что смогу не просто разгрызть этот чертов орешек знаний, но сделать это триумфально. Если уж не лучше всех, то многих. И повышенная стипендия была лишь малой мерой компенсации моей мороки. О возможности заплатить и купить оценку на экзамене не то что речь не шла, но даже и мысли не появлялись. В идеале можно было воспользоваться шпаргалками (шпорами), но это требовало ловкости, умения. И неизвестно, что было легче — запастись шпаргалками, освоить виртуозную тактику их применения или постараться выучить очередной предмет, хотя бы на время экзамена, и выкинуть его из головы, затворив дверь аудитории и закрыв зачетку с заслуженной оценкой, включая «государственную», как называли «тройку». У меня были за все время учебы три «тройки», которые я оперативно пересдавал на «пятерки» — по термодинамике, сопромату и деталям машин. Особенно жуткие воспоминания об экзамене по термодинамике. Это был первый «спецкурс», вел его обаятельнейший, интеллигентный Николай Александрович Толкачев. Предмет, как говорил мой однокурсник, лютой сложности (трудно спорить), но сдавать надо... На консультации перед экзаменом (а это была летняя сессия) Николай Александрович, увидев наши бледные и испуганные лица, с доброй улыбкой мягким голосом сказал: «Не волнуйтесь, смотрите, какая чудная погода, синее небо, птички поют... Все будет хорошо, все сдадут, жизнь продолжится в любом случае. Идите домой, бросьте все учебники и конспекты, поужинайте и ложитесь спать. Отдохните и приходите завтра с хорошим настроением. Ничего страшного не произойдет». Ничего и не произошло. Кроме того, что он поставил на следующий день три «тройки», а остальные — «двойки». Мне он задал дополнительный вопрос: «Что такое температура как явление и в чем состоят физико-математические основы нагрева тел и предметов?» Мой ответ он охарактеризовал как туманный, а оценку поставил конкретную. Слава богу, через неделю я пересдавал другому преподавателю, который без всяких лирических отступлений о синем небе и поющих птичках с суровым видом выслушал мои ответы на вопросы экзаменационного билета и молча поставил «пятерку». Уже после окончания института я довольно часто встречал Николая Александровича, тепло раскланивался... Все собирался спросить его, зачем он так поступил с нами тогда, но так и не спросил. А теперь уж и не спрошу. Примерно такие же ситуации были с экзаменами по деталям машин и сопромату. Детали машин мы сдавали зимой, результат был аналогичный — без «четверок». Помню, как выскочил из аудитории наш одноклассник, до той поры «двоек» не имевший, с глазами, застывшими не на лбу, а даже выше, и с изумленным ужасом просипевший: «Шайба!»

Зимние каникулы оказались недолгими, всю неделю я ежедневно с утра повторял клятые «детали», потом шел на пересдачу. Преподаватель выслушивал меня благодушно и изрекал одно и то же: «Ну, твердый трояк ты заслужил. Чего тебе еще

надо?» И отдавал зачетку. «Приходите завтра» — это уже было не название фильма, а сермяжная правда жизни. Я шел домой, обедал и до вечера читал увлекательнейший (так мне тогда казалось) сборник детективов Андрея Гуляшки про Аввакума Захова. Впоследствии пробовал перечитать и не смог. Последний раз пошел на пересдачу в первый день нового семестра. Нашел преподавателя в одной из аудиторий, где он вел практические занятия. Посмотрев на меня с ужасом и тоской, он спросил: «Учил?» «Учил», — без тени сомнения ответил я. «Давай зачетку, а то ты меня доведешь до могилы». Взяв зачетку, молча поставил «пятерку». В это время кто-то заглянул в кабинет и спросил: «Могила не видели?» Могила — это была фамилия молодого ассистента кафедры локомотивостроения. «Иди уже, чтоб я тебя больше не видел. И Могила тоже». Пожелание практически исполнилось. Так получилось, что больше мы и не встречались. Но в памяти он незабываем. В отличие от деталей машин. Конечно, я успевал не только учиться. Читал книги, ходил на бадминтон, на футбол (о, любовь моя, «Заря»), в кино... Но ощущения свободы и легкости бытия не было. Это точно.

И вот наконец на пятом курсе наступило время дипломного проектирования со свободным графиком посещения института. Можно было раз в неделю или в две приходить к руководителю и докладывать о ходе работы. И все. Это было блаженство. Тем более что большую часть проекта мы успели сделать в Коломне. Дома мы просто доделывали, переписывали начисто, что-то перечерчивали, пересчитывали... Волнений стало меньше, а чтения, музыки, кино — заметно больше. Помню, что именно той весной в кинотеатре «Октябрь» посмотрел подряд «Короля Лира» с Юри Ярветом и «Старую деву» с Анни Жирардо и Филиппом Нуаре. Понимаю, что фильмы несравнимы, но в памяти они — рядом. И запомнились прочно, в отличие от десятков других, которые тоже были просмотрены и тут же забыты. Ближе к защите я решил потренироваться, записывая на магнитофон свою «дипломную речь». Помню, что папа, зайдя в комнату и с изумлением наблюдая, как я в очередной раз тараторю в микрофон заученный текст, сказал: «Ну, ты прямо скоро станешь Левитаном». Левитаном не стал, но на телевидении все же поработал. И на радио. Сбылась детская мечта. Но до этого было еще почти 25 лет.

Защита диплома, окончание института оказались сколь долгожданными, столь и недолговечными в памяти. И даже торжественная церемония выдачи дипломов и последовавший за ней банкет в памяти остались смутно. Помню, что костюм надел тот же, что и на выпускной вечер в школе. И, конечно, приятно было получить не один, а сразу три диплома. Кроме основного (красного!), выдали диплом научного общества, дававший в теории преимущество при поступлении в аспирантуру (практика теорию опровергла), и ярко-красный диплом университета общественных специальностей по специальности «Журналистика». И в нем услаждала глаз строка о том, что диплом дает основание для работы в газетах и других СМИ. Кстати, из занятий в этом общественном учебном заведении осталось в памяти одно — по теории и практике редактирования. Преподаватель зачитал нам небольшой отрывок из какого-то прозаического произведения и попросил найти в нем как можно больше ошибок, неточностей, погрешностей... Аудитория, как молодые волки на ягненка, накинулась на текст, иронизируя, насмехаясь и критикуя от вольного... Преподаватель выслушал все замечания в адрес автора текста и его творения, а потом показал обложку книги, отрывок из которой и был предложен к критическому анализу. Лев Толстой «Анна Каренина». Хорошо он тогда сказал: «Прежде чем критиковать, подумайте, а сможете ли вы написать лучше». С тех пор не люблю критиковать.

Почему-то момент распределения на работу остался в памяти более четко. Особенно подготовка к нему, когда нам передали приказ ректора — явиться на распределе-

ние гладко выбритыми, без всяческих бород и усов. Скажем прямо, требование сколь экзотичное, столь и легковыполнимое, поскольку абсолютное большинство лишнюю растительность на физиономиях не культивировало. Большинство — точно. Но был среди нас Валерий Тер-Степанов, который с гордостью носил небольшие и симпатичные усики и который с оскорбленным видом заявил: «Мой дедушка с усами, отец тоже, и я ничего брить не собираюсь. А если что — напишу Буденному».

Не знаю, может, эта угроза подействовала, а может, просто настроение у ректора изменилось. Но назначение на работу получили и усатые, и безусые. А бородатых просто не было. Я шел вторым в списке и рассчитывал со своими дипломами попасть в аспирантуру (первым был абсолютный отличник Саша Латышев, всегда поражавший меня и своими глубокими знаниями, и инженерным талантом, впоследствии все же не реализованным). Увы, распределение вызвало больше вопросов, чем ответов. По-моему, семь человек направлялись инструкторами ДОСААФ (!) в автошколы на Западной Украине. В Луганске не оставили никого. Мы с моим другом Анатолием Ручкой выбрали Харьковский тракторный завод. Все понимали, что работать придется от силы месяца три-четыре, а потом — армия, которую называли институтом имени маршала Гречко (на то время министр обороны).

Прибыть на завод нужно было в первых числах августа, а июль был отдан на исполнение заветных желаний о безмятежном отдыхе в ранге молодых специалистов (не путать со студентами!). Вместе с моими двумя одноклассниками, один из которых все же еще оставался студентом (ибо в мединституте учатся по-разному, но долго), я поехал в Гагру. Папа нашего друга-студента смог помочь приобрести нам курсовки в санаторий «Украина», где он сам пребывал на правах обладателя полноценной путевки. Главный вопрос был, как купить билеты до Адлера. Но и это он решил с легкостью.

Санаторий был для украинских партийных и советских руководителей среднего звена. Общаться с ними (кроме как с папой друга) нам не довелось, но иногда по утрам слышали семейные переговоры, звучавшие так: вопрос: «Ты кудаю?» Ответ: «Тудаю». За правдивость пересказа ручаюсь. Гагра поразила кавказским колоритом. Навсегда запомнились строки песни «О, море в Гаграх, о, солнце в Гаграх!». Они звучали с утра и до вечера. А в центре города, возле ресторана, впервые увидели уличных исполнителей с бессмертными куплетами «Есть газеты, семечки каленые, сигареты, тапочки зеленые. Есть вода, отличная вода. Покупайте воду, дамы-господа». Представить их с этим репертуаром где-нибудь в центре Луганска воображения не хватило. На довольствие нас поставили в столовой для персонала санатория. И мы там отведали и чохохбили, и лобио, и бастурму, и бугламу... А совсем недалеко в небольшом магазинчике всегда были в наличии бутылки с волшебными названиями «Мукузани», «Гурджаани», «Цинандали» и даже «Киндзмараули». Как говорил Райкин: «Вкус — специфический». Хорошо, что попробовал. Потом такие изысканные вина больше не встречались. Конечно, мы целыми днями, с перерывами на обед, были на пляже. И даже познакомились с двумя девушками из Караганды, которые, как выяснилось, занимались фигурным катанием. На их вопрос: «А вы студенты?» — мы хором оскорбленно воскликнули: «Нет! Мы молодые специалисты!» Идиоты. Ибо студентами все же быть лучше. Как сказал герой пьесы, «плохое только начиналось». Но с фигуристками у нас вообще ничего не началось. Мы для них, видимо, были хоть и молодые, но не ранние и не перспективные. Интересно, где они сейчас... Ответ напрашивается — в Караганде. Но если у нас со студентом-медиком, как определил наш третий друг, было «позднее зажигание», то у него — точно раннее, причем по полной программе. Он познакомился с обаятельной и пышной харьковчанкой и, возвращаясь со свиданий далеко за полночь, шкодливо улыбался, взирая на наши невинные, постные лица, при этом вальяж-

но разлагольствовал про позднее зажигание. Да, мы оказались поздними. Но неопоздавшими. Все свое судьба нам отдала в полной мере. А может, и больше, чем надо...

На вокзале жизнь другая. Там уборщица, ругая всех и все, в жару, в морозы Выметает смех и слезы. Там на лавке ожидания время, скорость, расстояние, Как в задачке школьных лет, не дают найти ответ. Там другого нет пути — Чемодан в вагон внести. И за рокотом движенья ощутить вдруг напряжение Дня и ночи, сердца, крови, гул забросив в изголовье...

...На харьковский поезд меня провожала вся семья. Начиналась новая жизнь. Но особого волнения не было, потому что понимал — ненадолго. Солдатские погоны уже незаметно прорастали на плечах, и смутно, но безошибочно я ощущал, что это — совсем не крылья. Расплывчато помню процесс оформления и поселения в общежитии, а вот приемную главного конструктора вижу ясно.

Мы сидим, ждем приема и определения нашего рабочего места, выходит главный, а секретарь, пожилая и, как принято сейчас говорить, корпулентная дама, обращается к нему со взволнованной речью: «Петр Федорович, что делать со смежниками? Они нас бомблят и бомблят телеграммами...» «Бомблят», — повторил я про себя, запоминая необычное слово и вживаясь в производственную ситуацию. Получив должность инженера-конструктора без категории с окладом 95 рублей, я попал в бюро вспомогательных механизмов, где мне искренне обрадовались и на второй день отправили на месяц убирать помидоры в подшефный совхоз, который располагался в деревне Печенеги. «Бомблят», — еще раз повторил я. Поселили шефскую «зондеркоманду», как обозвал нас агроном, в бывшем коровнике. Свет и воздух — сказал бы Остап, глядя на наше помещение. Но роптать никто не собирался: свет (в смысле электричество) был, воздух — свежий до головокружения, помидоров к обеду — навалом, и водки, как выяснилось, запасливо прихваченной с собой старожилками, тоже. Для знакомства общество предложило мне выпить алюминиевую кружку этого божественного напитка под зеленоватый, но большой помидор. Дальнейшие подробности вечера знакомств я помню смутно с преобладанием негативных впечатлений. Сбор помидоров — дело банальное, сверхусилий никто от нас не требовал, так что процесс шел ни шатко ни валко, и основные события происходили после окончания жаркого полевого дня. Помню шефский концерт сельского клуба с выступлением хора местных ядреных красавиц, которые грянули песню-частушку: «Эх, мать твою так, жареной картошки мэни, мэни хоче-хоче тыся-тыся трошки!» «Браво!» не кричали, потому что просто попадали в обморок от избытка впечатлений. Недалеко от нас располагались еще две шефские базы — политехнического института и фармацевтического.

Их базы (видимо, из чувства сострадания к студенчеству) были оборудованы более интеллигентно, там были даже телевизоры. Чуть позже каждый вечер мы шагали на базу фармацевтов и, хоть там были одни девушки, без всяких флиртов, что называется, затаив дыхание, смотрели премьерный показ сериала «Семнадцать мгновений весны». «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!» Эта фраза стала самой популярной на нашем полевом стане. Думаю, ее впитали и помидоры, и ящики, и алюминиевые кружки. Но оставаться в нашем коровнике теплыми летними вечерами было занудно, и мы отправлялись в гости. На базе политеха познакомились с отличными парнями (солисты деревенского хора почему-то называли их политикантами, может, думали, что в политехе учат политиков), которые устраивали дискотеки под кассетный магнитофон с продвинутыми записями «Битлс» и «Веселых ребят». Но главное — у них был концерт «Вингс» «Банд оф зе ран». Интересно, икалось ли леди Вандербильт после наших плясок под песню сэра Маккартни...

Овощеводческая карьера завершилась традиционным застольем. В алюминиевой кружке на сей раз был биомидин (вино «Билэ-мицнэ»), который более щадяще отнесся к восприятию окружающей действительности. Тем более вскоре она предстала в виде конструкторского бюро и задания заэскизировать, а потом разработать чертеж кожуха муфты сцепления канадского трактора «Версатайл», прибывшего на заводской полигон и разобранного на узлы и детали. С тягостными сомнениями в конечном результате (зная свою способность к черчению) приступил я к выполнению задания, но не прошло и двух дней, как оказался на конвейере в заводском стальцехе. Это называлось «прорыв», длительность его обозначилась месяцем, а работа проистекала во вторую и третью смены и заключалась в перемещении шести- и десятикилограммовых узлов трака с ленты в специальные коробки. Жара возле конвейера была нестерпимая. Прямо в спину дул огромный вентилятор, что было, с одной стороны, хорошо — охлаждало. С другой стороны — через неделю я был вознагражден за труды тяжелейшим бронхитом и больничным листом. Кашель не проходил очень долго. Волшебным средством оказались банки, которые ставили в кабинете физиотерапевтических процедур. От них стало легче. Последнюю неделю больничного я провел дома, порадовав родителей узористой спиной и неслабым кашлем. Но все прошло. Между делом-работой мы с Толиком Ручкой с удовольствием знакомимся с красавцем Харьковом. Город нас очаровал. Да, район ХТЗ был похож на Луганск. Но центр, Сумская со Стеклоанной струей, площадь Госпрома, парк Шевченко, Черноглазовская, майдан Розы Люксембург... — это была настоящая столица, даже без метро (строительство его как раз завершалось). А какая вареничная была на Сумской, и кафе «Пулемет» на первом этаже гостиницы «Харьков», и «Грот»-бар (почему-то именно так писалось название).

И еще любимый магазин «Восточные сладости», где продавались действительно экзотические нуга, пахлава, всевозможных видов халва и щербет. Да и в универмаге в отделе пластинок я тоже нашел то, чего в луганской «Мелодии» не было: подарочно оформленные наборы дисков Утесова, джаз-оркестра Цфасмана, парада оркестров... Сладости я привез в качестве гостинцев домой, и папа оценил их по достоинству, сказав: «Приезжай почаще и привози побольше». Но на первый раз в обратный путь поехала со мной мама. В Харькове жили родители ее рано умершей институтской подруги, которые приглашали погостить у них. Вот она и решила воспользоваться приглашением, а заодно проинспектировать мой быт. Но и это не все. Был у нее хитрый план познакомиться меня с дочерью другой подруги. Дочь звали Софией, и она училась в автодорожном институте. По этому поводу ее мама была приглашена из Кременчуга в Харьков для семейной встречи с детьми (то есть со мной и Софией). Встретились в парке Шевченко, покрытом, как ковром, ярко-желтой палой листвой. На фоне синего неба и яркого солнца это было фантастически красиво. Да и София оказалась красивой, яркой, стильной девушкой в красном наряде. Я ей не понравился. Тем не менее погуляли, поохали, поахали... Мамы пошли в гости к родителям подруги, а мы прошли «впроходку» по Сумской, поговорили о том о сем... Никаких общих тем не нащупали. Я проводил ее в общежитие-гигант, на прощание договорились увидеться и, может быть, сходить в кино. Я был доволен. Свидания в Харькове! Романтика... Мы встречались вплоть до моего призыва в армию. Причем сразу обозначили, что встречи чисто дружеские. Я стал частым гостем в общежитии, где привлек внимание соседки Софии по комнате. Она тоже была из Кременчуга, крупная, статная, общительная... Но мне с ней было так же неинтересно, как Софии со мной. Почему все так устроено...

Между тем события шли своим чередом. Я еще успел поперебирать гнилую капусту на овощной базе (со странным названием «Кагаты»), поучаствовать в ремонте окон



и крыши конструкторского отдела. Но, самое главное, с горем пополам таки вымучил чертеж зарубежного кожуха муфты сцепления, чему был весьма рад. Ну, и военкомат меня не забывал. Военком был дальним родственником Толика Ручки и пообещал включить нас в хорошую группу и чтоб служба проистекала не так далеко. По секрету сказал, что это будут войска ВВС наземные, то есть обслуживание аэродромов и самолетов. Мы были довольны. Последняя медкомиссия и собеседование завершились выдачей предписания явиться на призывной пункт 4 ноября, а за две недели до этого я мог с чистой совестью покинуть гостеприимный завод с его не совсем тракторными хлопотами. Другьями за это время я там не обзавелся. Но главному конструктору, видимо, своей безотказностью понравился. «После армии — только к нам!» — напутствовал он меня. «Посмотрим», — про себя ответил я, понимая, что в общежитие меня не тянет, зарплата более подходит для анекдотов о ней, чем для жизни, а бесконечные «прорывы» рвут на части даже мое нестойкое представление о героических буднях пролетариев умственного труда. Напоследок еще несколько слов об общежитии ХТЗ. Это было рабочее мужское общежитие с суровым бытом эпохи «военного коммунизма». Драки с поножовщиной завершали трудовые недели с регулярностью, приучившей запираить двери и на замок, и на засов. Вполне естественно, что желание возвращаться в него даже не возникало. В соседнем, женском общежитии жила моя коллега по бюро, хорошая и симпатичная Валя Бессонова. Она устроилась на завод уже после меня, завершив курс обучения в каком-то техникуме. Служба в армии ей не грозила, и она была глубоко озабочена выбором спутника жизни и жизненных же перспектив. Думаю, что с ее напористостью и жизнерадостностью все у нее получилось, а я благодарен ей за фразу, сказанную на прощание: «Володя, ты какой-то не такой, как все. Вот я чувствую, что все у тебя будет хорошо, вот увидишь». Что она чувствовала, так и не узнаю уже, но, кстати, несколько писем в армию с новостями производственной жизни отдела и бюро она мне прислала. И это было приятно.

Две недели до отъезда в харьковский военкомат, проведенные дома, были печальные. Мне не хотелось никуда уезжать, и я не мог понять, кому и зачем это нужно. Вот почему все останется так же, жизнь будет проистекать со всеми ее радостями и приятными (пусть даже иногда неприятными) хлопотами, а я из этой жизни на целый (с другой стороны, всего лишь) год исчезаю. Зашел в институт, попрощался с преподавателями, они посмотрели на меня с недоумением. Целыми днями читал и слушал пластинки.

Очень мне нравились тогда «Самоцветы» и «Веселые ребята». «Вся жизнь впереди, надейся и жди» — эту формулу предлагала для внедрения в реальность беззаботная советская эстрада. Мне ничего другого не оставалось. Под стать настроению была и погода — серая и мрачная. Слегка раскрасил настроение новый фильм Георгия Данелии «Совсем пропащий», который я посмотрел в «Комсомольце». Басов, Леонов, Кикабидзе и, главное, мальчик в роли Гека, Рома Мадянов, — они все сыграли гениально. Лучше экранизацию знаменитой книги Марка Твена и представить невозможно. А Роман Мадянов сегодня — один из самых известных и популярных артистов. Может, в кинозале кто-то рядом со мной чихнул, а я вдохнул разлетевшихся микробов (мне это свойственно), может, просто простудился, но ко дню отъезда на призывной пункт я лежал с температурой и полным набором симптомов могучего гриппа. Несвоевременная хвороба напугала семью сверхсерьезно. Шутки с военкоматом плохи, и потому папа побежал со справкой к райвоенкому, и тот сообщил харьковскому коллеге, что недотепа призывник такой-то захворал, медсправка имеется в наличии, и потому на призыв прибудет как только, так сразу. Криминала военачальник не обнаружил — заболел, но не воспалением хитрости, служить не отказывается. Так что «Лечись, студент!» — перефразируя героя «Операции „Ы“», пожелал мне комиссар, и я принимал

военный парад и наблюдал за демонстрацией трудящихся 7 ноября дома по телевизору. Но уже через два дня я был в харьковском военкомате, выслушал мудрые сентенции о хитрожопости и наставления, что только больной на голову мог пропустить такую хорошую команду в элитный род войск. Замечу, что Толик Ручка таки отслужил, попав в ту самую элитную команду. Но никаких восторгов по поводу службы потом не высказывал. Хорошо лишь там, где нас нет.

А мне было велено прийти с вещами аж 30 ноября. То есть почти три недели предстояло жить неизвестно где. Можно было опять вернуться домой. Но это стало бы, что называется, продлением мучений. И потому я отправился в общежитие, где меня еще не забыли и где репутация моя была девственно незапятнанной. Традиционно посетовав на мое и всеобщее разгильдяйство (сказано было круче и намного дальше от цензурности), администраторша поселила меня в отдельную комнату, которую обычно использовали как кладовку. Я это воспринял как подарок судьбы и ощущал себя в ней, как в номере-люксе отеля «Атлантик» («двухкоечный номер оплачено», га-га-га). На следующий день, еле дождавшись приближения вечера, нанес неожиданный визит в общежитие к Софии. Ее соседка была мне искренне рада. Но у них была как раз зачетная неделя, и я ощутил свою ненужность и неприкаянность. Мой образ исчез с их горизонта, растворяясь в завтрашнем воздухе. В котором все звуки мне слышались уже сквозь стук сапог.

Откуда-то издалека доносятся трубные звуки:  
«Привет! До свиданья! Пока!» — ты слышишь, дыханье разлуки  
Смешалось с моим и твоим, ты чувствуешь — через мгновенье  
Вот тут, где с тобой мы стоим, где слышится сердцебиенье —  
Останется лишь пустота, лишь след от летящего взгляда...  
И вновь между нами черта, и жизнь как сплошная преграда.

Оставшиеся до призыва дни я провел в конкретном одиночестве, гуляя по центру Харькова (благо погода этому благоприятствовала), изредка посещая кино. Зато регулярными были визиты в кафе «Пулемет» и в вареничную. Из всего увиденного в памяти остался лишь фильм «Земля Санникова» с потрясающей музыкой Зацепина и песней «Есть только миг». Дворжецкий, Даль, Вицин — участия этих великих артистов уже было достаточно, чтобы фильм получился запоминающимся. Потом уже читал, что во время съемок одного из эпизодов пришлось временно опустить телевизионные антенны на крышах окрестных домов, в противном случае они попадали в кадр. А в это время шла трансляция футбольного матча с участием сборной СССР. Когда она неожиданно прервалась, разъяренные болельщики выскочили на улицу и высказали режиссерам все, что о них думали. От физических замечаний, правда, воздержались. А режиссеры замяли конфликт, выделив пострадавшим во имя любви к спорту по 100 рублей. Кто остался в выигрыше — сборная или болельщики, история умалчивает. Видимо, и те, и те.

30 ноября ранним утром я попрощался с общежитием, сдал постельные принадлежности и унылым, нестроевым шагом отправился в военкомат. Он, кстати, был расположен недалеко. Народу пришло немало. Как выяснилось, это была отправка в стройбат. Не скажу, что это меня порадовало. Но и огорчаться раньше времени поводов не было.

Продержали нас на плацу, а потом в казарменном помещении до позднего вечера и лишь потом объявили: «Все отправляются по домам. Завтра к семи часам утра явиться для отправки в часть на вокзал». Куда отправляться? В общежитие и опять прожить на ночь в кладовку? Выручил коллега по несчастью, с которым за этот день

успели познакомиться и даже подружиться. Володя Смоляник окончил инженерно-строительный институт и оказался очень близок мне по воспитанию и мировоззрению. Он и пригласил меня переночевать. Оказывается, он уже был женат, и они с молодой супругой жили в однокомнатной квартире. Если б я это знал, то наверняка отказался бы. Но случилось, как случилось. Мы допоздна ужинали, потом я устроился на кухне и старался быть глухонемым, «тише воды и ниже травы». Стараться пришлось недолго, ибо утро наступило по графику, и мы, не пропустив завтрак (последний гражданский завтрак был сладок и горек одновременно), потопали на вокзал. В темноте нас погрузили в эшелон. Мы разместились в плацкартном вагоне вместе с сопровождавшими нас двумя лихими и веселыми сержантами. На вопрос, куда нас везут, они только посмеивались и отвечали: «Военная тайна, но служба медом не покажется». Настроения это не добавляло, но кое-кому удалось повысить его градус приправленным алкогольным запасом, а уж закуски было столько, что хватило бы на два вагона. Добрались без происшествий за сутки. Выгрузили опять в темноте и куда-то повели. Опять построили, пересчитали, и прапорщик поздравил с началом ответственной и почетной службы в военно-строительных войсках. Володя шепнул: «Наша служба и опасна, и трудна... Это он нам посочувствовал». Первым делом нас плотно, но незамысловато покормили перловой кашей, хлебом с маслом и чаем, а потом начался конвейер превращения гражданского человека в солдата, или, как здесь говорили, воина.

От снега побелел осенний день. Призывников из ближних деревень,  
Озябших, привезли в военкомат. И мамы плакали, как много лет назад.  
А капитан дежурный был так строг, от холода осеннего продрог,  
От холода, от материнских слез. Не мог ответить на вопрос  
Касательно дальнейшего пути, а также разрешить не мог пройти  
Во дворик, где, близки и далеки, отправки ждали сыновья. Сынки.  
Играл оркестр про белую сирень, Был белым-белым тот осенний день...  
И мне не позабыть военкомат, где в первый раз окликнули: «Солдат!»

У всех отобрали вещи, пронумеровали и отправили на склад. Сразу скажу, что через год все вернули в целостности и сохранности. Самым страшным было то, что забрали пакетик с лекарствами, а среди них пузырек с каплями в нос. На почве аллергии у меня была хроническая заложенность носа, и я постоянно капал то нафтизин, то галазолин, чтобы более-менее свободно дышать. Видя мой ужас, даже сержант заступился и попросил оставить мне капли: «Смотрите, товарищ прапорщик, какой он доходяга, скапуться без лекарств». На что прапорщик мудро ответил: «Если надо будет, подлечим, а не надо — заставим и научим. И вообще — отставить разговорчики в строю». Забегая вперед, скажу, что проявлений аллергии за все время службы не было вообще. То ли не произрастали в окрестностях Протвино вражеские мне лебеда, полынь и лисохвост (главные раздражители моей аллергии), то ли организм находился постоянно в состоянии стресса и аллергию в качестве дополнительного источника неприятностей просто игнорировал. Кто знает... Но после демобилизации все вернулось в полной мере. А в тот день лекарства были брезгливо отправлены в мусорный ящик, а я, страдающий и перепуганный, пока еще не строем полпелся в баню, где нас постригли «под Котовского», а после душа выдали сапоги, портянки и полный комплект солдатской формы, к которой нужно было немедленно пришить белый подворотничок. Озадачили две пары кальсон и две нижние рубахи. Одна пара была с начесом, вторая тонкая. Это был зимний вариант. Ведь уже началась зима. А станция, на которой нас выгрузили, называлась Серпухов. Мы были в Московской области, и это не огорчало. Но регион, оказывается, считался северным. Нитки, иголки и белая простыня были

предоставлены, пошивочная мастерская с горем пополам заработала на полную катушку. По поводу носков прапорщик душевно предупредил, что не советует даже думать об этой гадости. Ибо лучше хороших портянок для служивого человека не было и нет. Наматывали портянки с тяжким сердцем. Ноги протестовали и думали о гадости.

О солдатах столько песен и стихов, сколько стоптано солдатских каблуков.  
Но тачаются, как прежде, сапоги, и не все еще написаны стихи.

Курс молодого бойца длился две недели и не был чересчур мучительным или изнурительным. Но начиналось все в 5.30 утра с команды «Рота, подъем, выходи строиться!».

«Подъем, подъем, подъем, вторая рота! И мы встаем, а как нам спать охота...» — слова народные. Одеться нужно было за 45 секунд, но без гимнастерки и бежать на зарядку на плац. Но перед этим была волшебная команда: «Оправиться!» Это значит, давалось пять минут на посещение туалета. Толкотня была страшная, но все успевали. Потом начиналось самое неприятное — зарядка. Было холодно, и даже два круга трусцой вокруг плаца не согревали. Комплекс упражнений (кстати, весьма полезный, в который входили легендарные упражнения «ножницы», «насос», «пропеллер», «пружина» и другие) запомнился на всю жизнь, теперь его знают и мои внуки. После зарядки и перед завтраком было время для приведения в порядок себя и постели, причем явное предпочтение отдавалось последней. Она должна была быть аккуратно заправлена, иметь кантик, выровненный «по шнурке», а подушечка лежать «кирпичиком». По шнурке равнялись и «табурки» вдоль ряда кроватей. Полы при этом должны быть выдраены «под цвет балалайки» и блестеть, как «котовы яйца». Это, так сказать, азбука армейской жизни. Кроме команды «Оправиться!», была еще симметричная ей — «Перекур! Можно оправиться». И тут начиналось самое несправедливое. Любители подышать тем, что убивает лошадь, получали возможность в течение пяти минут безмятежно насладиться покоем и зрелищем продолжающих выполнение боевых заданий товарищей, думающих, что тем самым они берегут здоровье. Кому это может понравиться? Через неделю в роте некурящих не было. Перекур так перекур. Для всех. И для меня тоже. Сигареты с фильтром считались дорогостоящим баловством. Поэтому курили «Приму» от «Дуката» или «Явы» (харьковская считалась деликатесом, как дым отечества...), «Дымок», «Новость»... Помню, как одному из нас родители прислали в посылке блок не выданного ранее «Честерфилда». Попробовали все. Вот это была гадость... Надо сказать, что после армии привычка исчезла вместе с командой «Перекур».

Строевые занятия на плацу сменялись задушевными казарменными беседами об уставе и традициях, бесконечными уборками и политическими информацией. Кормили неплохо. Никаких неуставных отношений не было, поскольку и устава еще не знали, да и все, как выяснилось, были земляками из Харьковской области. Тем не менее замполит роты выступил с отеческим предупреждением: «В некоторых отдельных случаях, — он делал ударение на „я“, — некоторые старослужащие воины позволяют себе надругательство над молодыми солдатами. Как то: могут отобрать для своего дембельского обмундирования новый ремень или шапку, а взамен отдать старые и изношенные вещи. О каждом таком покушении немедленно докладывать, и мы примем меры, чтобы впредь было неповадно. Но советую вам, сынки, когда будете посещать отхожее место по большой нужде, дабы не быть в дальнейшем в отчаянии, — и опять ударение на „я“, — ремень и шапку держать в руках так, чтобы злоумышленник их не смог легко отобрать. И сразу в голос звать на помощь. А еще лучше ходить туда организованно, группами по три или четыре человека».

По-моему, никто из нас не лишился новенькой шапки или ремня, хотя строем в уборную и не ходили. Зато почти строем посетили кабинет замполита, который провел с каждым душеспасительную беседу. Она была краткой, и суть его призыва заключалась в пожелании отринуть ложное чувство товарищества и докладывать ему лично обо всех случаях нарушения воинской дисциплины и распорядка дня. Завершалось все ласковым вопросом: «Знаешь таких нарушителей? Нет? Ну, смотри, чтоб доложил, если что». Я был встревожен этой беседой, на что Смоляник мне сказал: «Не заморачивайся». В моих глазах он был человек опытный, женатый. И я успокоился. Согласился ли кто-то быть глазами и ушами замполита, так и не знаю. На следующий день всех солдат, имевших высшее образование (а нас было 14 человек), собрали у командира роты, провели визуальное знакомство. Старший лейтенант сказал, что мы должны быть образцом и примером, предупредил, что в роте около двадцати человек были в прошлом осуждены за кражи и мелкое хулиганство, но встали на путь исправления. Тем не менее надо быть начеку. И наконец объявил, что почти все мы пройдем краткосрочные курсы сержантов, а некоторые даже без курсов получат сержантские нашивки и будут командирами отделений и даже замкомвзводами.

На этом и разошлись. Видимо, я не произвел впечатление на командира и сержантских лычек не получил (честно скажу, что не расстраивался, поскольку никакой потребности в них не ощущал). Но все остальные стали сержантами, в том числе и Володя Смоляник, с которым мы после присяги попали в разные роты и практически не общались. Дружба оказалась короткой, но теплой. Где он сейчас, что с ним — увы, не знаю. Вообще, внимательно прошерстил социальные сети и даже такую специфическую, как «сослуживцы». Нашел только одного из армейских друзей, который последний раз заходил на свою страницу в 2009 году. Боюсь даже подумать почему. Видимо, наше поколение уже старовато для Интернета. Хотя исключения (в том числе и я) случаются.

Из двух соседних рот, где старослужащими сержантами были представители Узбекистана и Азербайджана, а молодыми — все те же харьковчане, доходили тревожные слухи о несовпадении взглядов на окружающую действительность, заканчивающиеся физическими замечаниями с обеих сторон. Причем молодые, среди которых оказались харьковские хулиганы, имеющие за спиной судимости и богатый опыт выяснения отношений (это же стройбат!), сумели в доступной форме объяснить своим старшим среднеазиатским собратям, что такое, по их мнению, хорошо и что такое плохо. Короче, не на тех нарвались. Но нас Бог миловал. Ничего подобного не было. Несколько раз мы попадали на плацу во время строевых занятий под командование легендарного своей злостью сержанта Ирисметова. Команды он издавал отрывистые и звучавшие диковинно: «Эрысь, эрысь, эрысь, двоу, тры! Л-л-левой! Н-н-ношку! Пездню за-пывай!» Запевали. Модными были песни «Через две зимы» и «Не плачь, девчонка»

«Письма нежные очень мне нужны, я их выучу наизусть. Через две зимы, через две весны отслужу, как надо, и вернусь».

«Как будто ветры с гор, трубят солдаты сбор. Дорога от порога далека. И уронив платок, чтоб не видал никто, слезу смахнула девичья рука. Не плачь, девчонка, пройдут дожди. Солдат вернется, ты только жди...»

После этих маршевых вокальных изысканий в неласковом сопровождении сержанта Ирисметова «Самоцветы» и Лещенко стали не такими любимыми. Хотя они-то в чем виноваты... С удовольствием орали в строю «Марусю»:

«Маруся, раз, два, три, калина, чорнявая дівчина в саду ягоди рвала. Маруся, раз, два, три, калина, чорнявая дівчина в саду ягоди рвала». С Марусей топалось веселее. С ней мы и прошли строевой смотр перед принятием присяги. Командование поставило оценку «удовлетворительно». И слава богу.

Была шинель мне велика. Погоны я пришил неловко.  
Не уронил все ж честь полка, когда «в руках у нас винтовка».  
Пел на плацу. Когда «Не трусь, — шепнул сосед. — Тяни носочки...»  
У ягод был различный вкус. А помнятся одни цветочки.

Пахнет армией зима. Строевых занятий топот,  
Песен свист (куда твой Сопот!), снега скрип и кутерьма  
Сводят вновь меня с ума. Пахнет армией зима.  
Сапогами из сушилки, пирогами из посылки  
И не ведает сама, как на ту она похожа,  
Ту, что строже и моложе, что растаяла в руке  
В том военном городке...

К слову: у меня с этим стихотворением такая история. По-моему, зимой 1979 года после командировки в Коломну перед самолетом назад, в Ворошиловград, у меня оставалось полдня, и я решил зайти в редакцию журнала «Советский воин». Меня бы туда, конечно, просто не пустили, даже с паспортом или заводским пропуском. Но накануне нам выдали шикарные удостоверения Литературного объединения имени Сосюры — с золотым тиснением, очень важные. И меня без лишних слов пропустили в этот храм военной Музы. Сказали, на каком этаже отдел поэзии, я сел в лифт. Видимо, этаж был не второй. Ибо в кабинке я остался один, и пришло время открывать дверь. Но лифт оказался старинный, двухдверный, с массой кнопочек, и я застыл в недоумении — как же открыть дверь.

Длилось это, видимо, недопустимо для военного издания долго, и я прямо возле уха услышал командно-рывкнувший крик: «Открывай, б...!» От ужаса я нажал первую попавшуюся кнопку и угадал. Дверь открылась. У лифта стояли два разъяренных румяных, благообразно седеньких полковника, и один из них, с брезгливостью окинув меня взглядом, процедил: «Жаль, что гражданский». А я подумал в ответ: «Слава богу...» Дальше я без приключений нашел нужный отдел, отдал папку со стихами подполковнику, который через месяц прислал ответ: «Стихи упаднические». Но я так до сих пор не считаю.

О военном городке — чуть позже. А пока чуть не забыл о самом ярком происшествии, которое случилось в первый же день, вернее, вечер, когда нас завели в большой зал под названием «Красный уголок», и один из офицеров предложил всем, кто имеет какие-либо таланты, продемонстрировать их немедленно, дабы в дальнейшем нести службу в музыкальном взводе. Ну что, музыкантов среди нас оказалось лишь двое — выпускник консерватории и я, которого словно пружина какая-то стукнула в зад, и я вскочил, бодро направившись к стоявшему у трибуны пианино. Аудитория благосклонно прослушала исполненные не без огрехов полонез Огиньского, «Бухенвальдский набат» и цыганочку. Больше я на память ничего не знал. Но хватило и этого.

Нас троих (был еще чтец-декламатор, работавший до призыва в филармонию) попросили остаться (ау, Штирлиц). После этого отвели в помещение музвзвода, где и предоставили свободные койки. Торжеству не было предела. Правда, музыканты (а все они были профессионалами, выпускниками либо консерваторий, либо музыкальных училищ, с опытом работы в оркестрах) посмотрели на меня с недоумением, но вслух от комментариев воздержались. Проявили интеллигентность, а сейчас бы сказали толерантность. Угостили семечками и без всяких отбоев отошли ко сну. Но счастье было

недолгим. Я даже не успел толком почувствовать себя артистом. Утром пришел еще один поезд с новобранцами, среди которых было целых два пианиста с консерваторским образованием, причем один из них еще и владел духовыми инструментами. В общем, мне сказали коротко: «Выметайся в казарму». Больше к пианино я допущен не был. Мое отсутствие прошло практически незамеченным, возможно, по причине краткосрочности, а возможно, все просто были погружены в собственные заботы и переживания. Только Смоляник спросил: «Ну, как там балалаечники?» — «Эх...» — только и смог произнести я в ответ. И этим было все сказано.

Ближе к Новому году мы принимали присягу. Поскольку личное оружие воинам стройбата не полагается, то остряки предполагали, что выдадут персональные штыковые лопаты. Но выдали один карабин Симонова на подразделение, и с ним мы зачитывали бессмертные строки (так тогда казалось). Но присяга вместе со страной канула в вечность. Кто мог подумать... Тем не менее другой присяги я так и не выучил. Говорю это без пафоса, как человек сугубо гражданский. Но вслед за Верещагиным могу повторить: «За державу обидно». На следующий день после церемонии (и последовавшего за этим торжественного обеда с котлетами, пирожками с повидлом и вкусным компотом) нас распределили по воинским частям.

Говорили, что самые хорошие — дальние военно-строительные отряды, где жизнь протекает спокойно и размеренно, вдали от глаз больших начальников. Мы попали в часть, расположенную в лесополосе недалеко от поселка Протвино, рядом с Институтом физики высоких энергий и принадлежащим ему громадным кольцом синхрофазотрона. И симпатичный поселок, и многие сооружения института были построены военными строителями, которые к тому же проводили и ремонтные работы на всех объектах, в том числе и внутри кольца, где были километры электрических кабелей и масса мелких объектов. На предстоящие два года (а мне — на год) нам предстояло влиться в этот воодушевляющий процесс. Прапорщик, давая задания, обычно приговаривал: «Работать будем с подъемом и творческим энтузиазмом». Где-то ж прочел, видно, эту фразу и использовал по прямому назначению. Часть располагалась в большом военном городке с благоустроенными четырехэтажными казармами. Мы были на третьем этаже. Прапорщик обычно подавал команду: «Ласточкой в расположение подразделения — бегом-арш!» И летели ласточками, топоча сапогами, по лестнице на свой этаж.

Зато летом кто-то притащил старый велосипед, и на нем устроили соревнования по скоростному спуску по этой самой лестнице. Хорошо, что он сломался раньше, чем чьи-нибудь конечности. Кончилось это тем, что прапорщик застал этот горно-ступенчатый велопробег, оценил свежесть мысли и произнес: «Баловство приводит к аморальным последствиям. Веломашину доставить в каптерку, а гонщикам, — и тут он, заботливо окинув взором всю толпу, перечислил всех, никого не упустив, — вымыть лестничный калидор до блеска!» Я уже достаточно часто вспоминал прапорщика нашей роты. Пора назвать его фамилию и сказать о нем несколько слов. Старшине роты прапорщику Сергееву на то время было лет пятьдесят, не меньше. Поэтому у меня есть основания предполагать, что он был ветераном войны. Остался, видимо, в армии на сверхсрочную службу, окончил курсы. Человек был не злой, и это главное. Дотошный, скрупулезный, вредный, со своеобразным юмором, любивший изъясняться наукообразно. Но не издеватель. Хотя был момент, когда он узнал, что ночью у рядового пропали часы. Дело было зимой, и морозы стояли неслабые. Он вывел роту на плац в одних гимнастерках и, неторопливо прохаживаясь (причем сам был в шинели), начал доверительную беседу: «Вчера какая-то мразь совершила преступное изъ-

ятие личных вещей у своего сослуживца. Ась? Не слышу, может, кто случайно взял часы послушать, как они тикают? Так давай послушаем вместе. Будем так стоять, пока не узнаем, кто эта сволочь, которая чужие вещи крадет».

Стояли долго. Сволочь не нашли. Но никто не заболел. А часы потом нашлись. То ли подбросили, то ли хозяин их сам потерял, а потом обнаружил. Несколько раз прапорщик проводил у нас политзанятия. Вещь занудная изначально, в его исполнении она была вообще труднопереносимая. Чтобы как-то скрасить положение, задавались вопросы, тем более что это поощрялось. Один из вопросов я запомнил. Кто-то спросил его: «Товарищ прапорщик, а что такое бизнес?» В ответ на это Сергеев, сделав суровое лицо, задумчиво произнес: «Бизно-о-с... Слыхал я это слово...» И ничего хорошего это не предвещало. В общем, проницательный был мужик, прапорщик Сергеев.

Вспомнив прапорщика, грех промолчать о командире роты, старшем лейтенанте Сердюке. Мне кажется, он сильно переживал, что службу несет не в строевых войсках, а в захудалом стройбате, где ему все было неинтересно (как и нам, впрочем). Внешне это был настоящий служака, статный, высокий, с бравой выправкой, с командирским голосом. «Р-р-р-ота, р-р-р-авняйся! Смир-р-р-но!» Из его уст это звучало как музыка. Ему постоянно хотелось провести с нами дополнительные строевые занятия, чтоб мы поползали по снегу и преодолели полосу препятствий. Но потом кивал и разочарованно говорил: «Жаль, нестроевые войска. А то б позанимались». Но как-то вдруг произнес такое: «Надеваю портупею, и тупею, и тупею...» Не знаю, стал ли он настоящим полковником, но старлеем был стоящим. Достойным уважения. Где он сейчас. Бог весть...

А вот лейтенанта Матушевского уважать было не за что, и вспоминать о нем не хочется. Но вспомню. Он был красавчик с пышным румянцем на ангельском лице (правда, всмотревшись, замечал — лицо не доброе). Недавний выпускник военно-строительного училища. Скорее всего, чуть младше меня, ибо училище было четырехгодичное. А родом — из Западной Украины, о чем сам рассказал. Меня он невзлюбил с первого взгляда. Постоянно делал замечания, которые обязательно завершал фразой: «Думаешь, если Спектор, то самый хитрый? Я тебя насквозь вижу». Что он видел (рентгенолог нашелся) — можно только догадываться. То, что был ярым антисемитом, это не скроешь. Он и не скрывал. Но, судя по всему, он и харьковчан недолюбливал. Может, считал москалями, может, просто проявлялось отношение бывшего селянина к горожанам... Кто знает из-за чего, но его конфликт с франтоватым комсоргом роты, уже готовившимся к дембелю сержантом Ятченко, неожиданно завершился тем, что лейтенант ударил его табуреткой по голове. Голова выдержала. Но Ятченко это не понравилось. Он знал, что нужно делать, и пошел жаловаться напрямую в политотдел. Матушевский, наверное, сильно жалел о случившемся. И в Протвине, и в Биробиджане, куда его перевели после этого случая. Пикантное получилось назначение. И вряд ли удачное как для него, так и для Еврейской автономной области. К слову, это был единственный случай антисемитизма, с которым я столкнулся в армейской действительности. А ведь в роте было почти полтора десятка ребят, имевших, как говорили, уголовное прошлое.

Но они в общении были нормальные парни, ничем не отличавшиеся от остальных. Не было за год моей службы ни драк, ни хулиганства, ни издевательств друг над другом. Может, потому что в большинстве своем были харьковчане, земляки. И даже несколько «стариков», таких, как Ятченко, тоже. Не было жестокостей «дедовщины», правда, и «дедов»-то почти не было. В общем, повезло.

Несколько раз попадали на политзанятия с майором Агаповым. Он был ветеран войны, и его предпенсионное настроение ощущалось в некой элегичности рассказов и воспоминаний, а также в целом нехарактерной для воинской службы доброжелательности.



Майор Агапов — ветеран войны. Отец солдатам и слуга страны. Он вспоминает сорок третий год и говорит нам: «Дети». А мы взвод. Такой у нас сегодня политчас. Ведет майор Агапов свой рассказ Про день войны у берегов Днепра, когда «Вперед! За Сталина! Ура!» — Кричал майор, тогда еще солдат. Он постарел. А тридцать лет назад Такой же был пацан, как мы сейчас. Ведет майор Агапов политчас, Как будто в бой за Родину ведет, забыв, который час, который год, Не по уставу называя нас: «Сыны...» Майор Агапов. Ветеран войны.

Наконец, еще об одном моменте, когда моя «пятая графа» вмешалась в ход событий. Парторг полка Юдалевич (тоже сомнительная фамилия) вызвал к себе всех солдат и сержантов с высшим образованием и предложил написать заявление в партию.

«Мы идем вам навстречу, поскольку понимаем, что на гражданке вам, интеллигенции, выступить в партию будет трудно. А здесь, в армейских условиях, мы нуждаемся в притоке новых молодых коммунистов. И вам это на пользу», — с такими словами обратился он к нам. Откликнулись почти все. Хоть и не были карьеристами, но понимали, что без членства в партии пути-дороги если и не перекрыты, то извилисты и тернисты намного больше. На следующий день мы принесли заявления. У всех взяли. Меня Юдалевич попросил задержаться. «Извините, — сказал он, — думаю, вы понимаете, что вас это не касается. Вчера вас пригласили ошибочно». Я согласно кивнул, хотя чем не подхожу передовому отряду строителей светлого будущего, не понимал ни умом, ни сердцем. Было досадно и неприятно. Но несмертельно. А кто остался в проигрыше — я или партия, вопрос второй и давно неактуальный.

Из четырех взводов в роте первый был — башкирский, причем они уже отслужили по полгода, когда мы пришли, второй — ровесники из Ивано-Франковска. Остальные — харьковчане. С башкирами мы подружились, хорошие ребята оказались, добродетельные, особенно Саша Камалов, ушедший в армию после того, как завалил сессию в Уфимском авиационном институте. Веселый, смешливый, дружелюбный... А с иванофранковцами просто не имели возможности общаться. И взводное помещение их было далеко от нашего, и постоянно куда-то их направляли на выездные работы. С одним из них я, правда, лежал в одной палате в медсанчасти, когда сильно простудился, работая на морозе. Но об этом чуть позже.

Командиром моего отделения был назначен выпускник института радиоэлектроники сержант Валерий Ляшенко, спокойный, улыбчивый колобок, как его называли за глаза. Мы не стали близкими друзьями, но никаких гадостей от Валеры я не видел, и это главное. А с друзьями мне повезло. Их было трое, близких, с которыми можно было поделиться и радостью, и бедой, которые могли в любой момент помочь и поддержать. Это харьковчане Вадик Савранский, Игорь Сушко и Саша Щетинин. В принципе, хорошие отношения были со всеми, но эти ребята помогли мне благополучно пережить все, что в памяти называется одним словом «армия». Мы были в одном отделении и сразу ощутили какую-то духовную близость. Времени для общения хватало, оно так и называлось — личное время. Подшить воротничок, написать письмо, поиграть в шахматы, почитать подшивку газет «Красная звезда»... Пообщаться с друзьями. Вспоминали родные места, забавные истории. Я рассказал им о Луганске (Ворошиловграде) с его просторным центром, скверами и фонтанами. Они понимающе кивали и, видимо, в душе вспоминали Харьков. Пригодился мне тогда блокнотик с записанными анекдотами.

Я его завел еще на первом курсе института и постепенно заполнял. Жаль, что потом он куда-то задевался, и я забыл практически все, что там было начертано. Но

в армии он имел успех. Помню оттуда один, приличный. Голубь назначил свидание голубке в двенадцать часов у городской ратуши. Двенадцать часов пробило — голубки нет. Час дня — ее нет. Два часа — тоже. И только около пяти часов вечера она появилась. «Милая, почему ты так поздно? — спросил ее верный и терпеливый голубь. — Ведь от твоей площади до ратуши лететь пять минут?» — «Дорогой, на улице такая чудесная погода, что я решила немного пройтись пешком». Анекдоты помогли быстрее наладить отношения, хотя, вероятно, и без них результат был бы тот же. Мы подходили друг другу по воспитанию, взглядам на жизнь, реакции на происходящее. Короче, это была дружба.

У дружбы и любви на страже — отсутствие корысти и причин.  
Иначе — купля и продажа друзей, неверных женщин и мужчин.  
Знакомо всем и повсеместно предательство, то громкое, как джаз,  
То скрытое мотивом мести... А вот меня спасали, и не раз  
Друзья, неожиданно, не картинно. И ангел пел над заводской трубой...  
А были и удары в спину, и ангел плакал над моей судьбой.

Говорят, что случайность — это непознанная закономерность. Ключевое слово — закономерность. Понимаю, что наша дружба — тоже воля случая. Могли оказаться в разных взводах или ротах, вообще не встретиться. Но судьба закономерно подтолкнула именно нас друг к другу, и я ей за это благодарен. А то, что после службы только один раз встречался с Вадимом Савранским, когда был в Харькове в командировке, а больше ни с кем из тех, с кем провел тот сложный год, не виделся и не переписывался, что ж... Тоже, видимо, какая-то закономерность в этом есть. И еще раз повторю, что не перестаю удивляться тому, что не смог найти своих товарищей в социальных сетях. Странно. Ау, друзья, где вы...

В ту зиму мы были вместе на возведении каких-то зданий. Нас туда определили в качестве военных плотников-бетонщиков. Холод собачий. Выдали лопаты, подвели к громадной бадье, из которой бетон нужно было подавать на третий этаж строящегося дома. Служба понятная: бери побольше, бросай подальше, неси потяжелее. Так и было. Но зима в Подмосковье в тот год была явно суровее той, что была привычна в пенатах. Несколько дней температура опускалась за тридцать градусов. Нам выдали валенки, ходить в которых было просто невозможно: подошва их была не плоская, а овальная. По слежавшемуся скользкому снегу ходьба ощущалась как катание на коньках. Сначала старшина сказал, что для устойчивости выдадут галоши. А потом для упрощения жизни валенки просто отобрали. Да и морозы пошли на спад. Но я все-таки успел сильно простудиться и попал в медсанчасть. Это было смешанное чувство — болезни и покоя. Лечили анальгином и микстурой от кашля. И это помогало. Рядом со мной в палате лежал коллега по несчастью из Ивано-Франковска. «Мы, франкивци, не те, шо вы, схидняки», — сказал он мне, узнав, что я родом из Луганска. Работал он «у сели, у кузни», говорил только на украинском языке и с нескрываемым чувством превосходства. Я был удивлен и озадачен. Но большого внимания этому не придал, да и расстались мы очень скоро — долго в медсанчасти не заживались. Больше с ним не встречались, а отголосок чувства превосходства и недружелюбия долетел спустя четыре десятилетия. «Мы — не те, шо вы» Это точно.

У меня болит рука от большой лопаты.  
Молодой еще пока я боец в стройбате.  
Мы бетонные кубы привыкаем мерить.  
По утрам сигнал трубы слышу я за дверью.

И бежим, бежим вперед на плацу по кругу.  
 Физзарядка и развод. Строго друг за другом.  
 Друг за другом. Все прошло. Пушкин прав: все мило.  
 Все хорошим заросло, что на службе было.  
 Может, кто-то и меня добрым словом вспомнит.  
 Я бегу, в судьбе храня молодость, как орден...

Дружба помогала преодолеть многие армейские неприятности. Среди них не самая малая — завтраки, обеды и ужины. Самым качественным из всего ассортимента предлагаемых блюд были хлеб, масло, сахар, чай и праздничные котлеты. Все остальное было или вовсе несъедобно, или частично. Не хочется перечислять полное меню, хотя разнообразием не баловали.

Назову лишь предлагавшееся в качестве второго блюда варево из почерневшей картошки с кусками жира и сухожилий, заботливо покрытое сверху толстым слоем машинного масла (ну, может, и не машинного, но близкого к нему по составу и качеству). Это называлось «жаркое». А по вечерам нас баловали той же картошкой с большим куском диковинной рыбы-пиры. Не знаю, где ее отлавливали и что она пила или ела, но запах издавала такой, что суровые харьковские пацаны затыкали пальцами нос, осторожно отъедая часть картошки и после этого сдвигая тарелку на край стола. Сказать, что мы голодали в полном смысле, конечно, нельзя. Съедалась каша, хоть и перловая (шрапнель), макароны, борщ или подобие его, суп (чаще всего термоядерный, гороховый), нередко бывал винегрет, хоть и подозрительный по внешнему виду... И выручали посылки. Каждый получал посылку примерно раз в месяц. За столом нас сидело 10 человек. Вот и получается, что через каждые два-три дня кто-нибудь доставал присланные из дома деликатесы и выставлял на общий стол, чтоб поделить по-братски. В особом почете было сгущенное молоко производства молокозавода «Кобеляки» (шутка, любого молокозавода, просто «Кобеляки» — самый запоминающийся), пряники, пирожки, печенье... Это поддерживало, как и визиты в буфет при военном магазине. Там можно было купить полстакана сметаны, школьное пирожное и сок. Сказать, что такое положение было неизбежно, тоже нельзя. Ведь все выделялось по нормам, и они были грамотно рассчитаны, предполагая сытный и здоровый солдатский рацион. Но, видимо, на всех стадиях продвижения продуктов к солдатским столам в виде приготовленных блюд количество их неумолимо уменьшалось. «Это не мы такие, это жизнь такая». Мне такое оправдание не по душе.

Мне еще до увольнения далеко. Покупаю я в буфете молоко.  
 Мой карман не тяготят рубли, и в погоны еще плечи не вросли.  
 До казармы и обратно я — бегом за сержантом, за бывалым «стариком».  
 «Разрешите обратиться», — говорю, обучаюсь уставному словарию.  
 По утрам на турнике вишу и веселое письмо домой пишу.  
 Вспоминаю вкус парного молока... И длинна, как путь домой, моя строка.

Несколько раз, попадая на территорию научного городка, мы посещали его двухэтажную столовую, где блюда, на наш взгляд, соответствовали самым гурманским требованиям. Особенно красный и ароматный вишневый компот. Два раза я в составе ремонтной бригады занимался наладкой электрооборудования в столовой. Я, естественно, был в знакомой роли «подай-принеси». Но и такие тоже нужны. Вообще, городок и его обитатели, среди которых большинство были советские и французские ученые, воспринимался мною как какая-то волшебная страна. Ухоженный, уютный, состо-

явший из девятиэтажек, расположенных практически в лесополосе, ассоциировался у меня с представлением о городах будущего. И молодые, веселые научные сотрудники (по виду мои ровесники), с которыми доводилось сталкиваться несколько раз, когда мы занимались заменой кабелей, а они в белых халатах с умным видом рассматривали длиннейшие ленты машинограмм, всем своим видом словно напоминали: не тем ты занимаешься, парень... Но все проходит. И жизнь в том числе. Тем я занимался или нет — кто знает... Через год, когда я уже был инженером-конструктором на тепловозостроительном заводе, обратил внимание на строящуюся столовую, присмотрелся и узнал в ней точную копию той, из научного городка. Проект-то типовой. Мало того, потом точно так же, как в Протвине, попал в бригаду инженеров, которая помогала монтировать электрооборудование в варочном цехе (я был в той же роли). Дежавю. Качество блюд здесь несколько уступало тем, что подавались в Протвине. Но добротный комплексный обед стоил 60 копеек. В то время популярной была миниатюра Аркадия Райкина «В греческом зале...». Вот так — «В греческом зале» — первое время стали называть новую столовую. Потом название подзабылось.

А я вспоминаю, как, вернувшись из медсанчасти, узнал, что меня переводят в участковую лабораторию на должность лаборанта и теперь моя задача — определять качество бетона самому или относить образцы в центральную лабораторию. Поскольку никакого оборудования, кроме молотка, мастерка и ванночек в нашей лаборатории не было, а из всего персонала только я (какой из меня лаборант) и начальник, который остался в памяти как Прохорыч (никто иначе к нему и не обращался), то вся моя задача была получить образцы и оттащить их в центральное заведение.

Рекомендовал меня на это теплое во всех смыслах место старшина Сергеев, который сказал: «Сразу видно — ученый парень, погибает на бетонных работах. Непорядок». Спасибо ему. Прослужил я там всю зиму, к огромному неудовольствию Прохорыча. Я ему не подходил ни по каким требованиям. Обычно у него работали умелые, мастеровые парни, которые, воспользовавшись вынужденным бездельем в теплом кабинете, занимались изготовлением самодельных ножей с наборными рукоятками, каких-то сувениров из цветной пластмассы (он ее откуда-то приносил в немереном количестве), выпиливанием лобзиком, сборкой самодельной мебели... Ничего этого я не умел. В отсутствие поручений просто сидел и читал книги. Видя это, Прохорыч плевался от досады, был страшно недоволен мною и старшиной, рекомендовавшим такого никудышнего солдатику на такое хлебное место. Пару раз давал мне задание (как говорил, наряд) начертить, а затем выпилить по размерам и сколотить ящик с дверцей и табуретку. Результаты моего творчества его не просто разочаровали, а повергли в шок и уныние. «Шкодливая рука Остапа» — это и про меня. Была б его воля, он бы выгнал меня на второй день, но нового, рукодельного лаборанта ему пообещали подобрать и выделить в марте—апреле. Пришлось ждать. В конце концов он почти смирился с моей неумелостью. «Хоть не алкаш, одеколон не глушит, баб не водит. Читатель гребаный...» — так дружески, со знанием дела характеризовал он меня своим приятелям.

Кончилось все печально и для меня, и для него. Для меня — переводом в бригаду электромонтажников, а для него — переходом в мир иной после бурного отмечания Международного женского дня. Нашли его на следующий день в лаборатории. Сказали, что это был инсульт. А выпивал он крепко.

Кстати, одеколон я чуть не попробовал. Был в нашем взводе тихий и безобидный парень Коля Борщ из городка Эсхар. Адрес его я запомнил по письмам, которые присылала ему любимая девушка. Она писала на конверте «Борщю Николаю». Не запомнить это было невозможно. Письма он мне иногда показывал, призывая на помощь,

чтобы написать ответ «складно, душевно и красиво». Я старался помочь, и в ответных письмах образ Николая прорисовывался как гигант мысли и маяк службы. Однажды, когда мы с ним оказались вместе на выполнении какого-то очередного наряда, он, загадочно улыбаясь, сказал мне: «Пошли со мной, угощу». В армии такое приглашение дважды повторять не надо. Идти пришлось недалеко. Это был такой укромный уголок, где Коля хранил кое-какие запасы. Оттуда он достал флакончик тройного одеколона и от всей своей щедрой души предложил мне хлебнуть, а в качестве закуски были извлечены две конфетки-«барбариски». Видимо, такой ужас и изумление были на моем лице, что Коля осознал неуместность предложения и отведал пахучего напитка в одиночестве. В следующий раз он пообещал угостить меня «Шипром», что в его понимании было уже на ступень выше и изысканней. «Шипр» его и подвел. Вернее, отрыжка им. Дух ее донесся до старшего лейтенанта Сердюка, он оценил амбре и наметанным взором определил источник. Коля получил пять суток гауптвахты, а потом его перевели в другую роту. Так и не угостил.

Незадолго до окончания моего пребывания в лаборатории (все же зиму я там благополучно отбыл) меня неожиданно вызвали в первый отдел. «Чего это ты там натворил?» — озабоченно и с сочувствием спросил старшина, передавая мне наказ явиться к полковнику Кучумову. Видимо, он понимал, что ничего хорошего это приглашение сулить не может. Он не ошибся. Как только я открыл дверь кабинета, полковник заорал: «Ты что это, б..., себе позволяешь! Ты кто такой? Писатель сраный!» (с одной стороны, приятно, что назвал писателем, ибо тогда я об этом мог только мечтать, но с другой — в таком матерном контексте лучше быть просто читателем). Я остолбенел и от ужаса потерял дар речи. А полковник, холеный, с тонкими усиками на гладко-выбритом лице продолжал: «Кого ты, сволочь, посмел назвать „черными полковниками“? Возводишь поклеп на Советскую армию! Хорошо, что мы перехватили твой гнусный пасквиль! Молчишь! Думаешь, все шуточки! Обойдется? Что мы такие добренькие? Не выйдет! Мы подумаем, как тебя наказать. Сгноим на лопате! Свободен. Пока». В руках он держал листик, в котором я узнал свое письмо школьному другу. По своему дурному простодушию я описывал все происходившее со мной в эдаком иронично-юмористичном стиле, действительно называя командование части «нашими черными полковниками».

И ведь предупреждали, что все наши письма «досматриваются военной цензурой». Выскочило из головы совсем. Дурачился. Разомлел в лабораторном тепле... Хотя даже не мог представить, что кто-то увидит в моих невинных письмах злой умысел. Его там просто не было. Но испугался, конечно, сильно. Вернувшись в роту, рассказал все старшине. Тот покачал головой: «Ну, ты полный олоуп. Кто ж такое пишет... Но раз полковник отпустил в роту, то ничего страшного. Просто попугал, провел воспитательную работу. А дальше лопаты по-любому не пошлют. Пиши теперь письма вдумчиво и аккуратно». Послали меня, как уже говорил, в бригаду электромонтажников. Дальнейшего продолжения история не имела. А письма писать с тех пор вообще не люблю. Получать их — другое дело, особенно приятные. Самыми приятными письмами в армии были от родителей и младшего брата. Пропитанные любовью, заботой и пониманием, они помогали и поддерживали, рассказывали о том, что происходит в городе, об изменениях в «Заре», что для меня всегда представляло живой интерес (и сегодня тоже). Нечасто, но приходили письма от моих друзей-одноклассников (это ж одному из них я про полковников поведал), несколько весточек прислала подруга Софии и моя уже бывшая коллега Валя Бессонова... Увы, поток их писем иссяк очень быстро. Я не обижался, это было понятно и естественно. Но неожиданно я получил письмо из Луганска от незнакомой мне девушки и тоже по имени София. Оказалось,

что ее брат преподавал электротехнику в нашем институте. А я перед этим написал пару писем своему бывшему руководителю дипломного проекта, которого очень уважал. Просто так, поделился солдатским житьем-бытьем. Не зря ж, думаю, он мне свой адрес дал. Он в свою очередь рассказал обо мне брату Софии, а тот попросил мой армейский адрес и предложил сестре написать весточку bravому солдату в армию.

Она оказалась студенткой медицинского института, жила в общежитии (приехала из Коммунарска-Алчевска) и, видимо, тоже скучала, а близкого друга в окружении своем так и не нашла. В общем, встретились (хоть и заочно) два одиночества, как пел обаятельный тогда Кикабидзе. И развели костер бурной переписки. Это было чудо. Постепенно я узнавал подробности быта и учебы, семейные дела. И теперь на вопрос сослуживцев: «Тебя из армии кто-то ждет?» (подразумевалось, дама сердца) — я с многозначительным видом отвечал: «Конечно». И показывал фото Софии, на котором она выглядела скромно и привлекательно. Переписка была как подарок судьбы, как компенсация за столь неудачный эпистолярный опыт со школьным другом. Увы, дальнейшие отношения у нас не сложились от слова «совсем». Мы встретились после возвращения из армии, сходили на концерт Аиды Ведищевой в филармонию... После концерта я ее проводил домой. И все. Как пропасть между нами легла. Прямо как в песне:

Мы обиду в сердцах не уносим, пусть придут к тебе светлые дни,  
А про нас, если кто-нибудь спросит, объясни, все как есть объясни.  
Просто встретились два одиночества, развели у дороги костер,  
А костру разгораться не хочется, вот и весь, вот и весь разговор.

Все-таки судьба есть, и она ведет человека от встречи к встрече, от события к событию, от костра к костру... И значит, нам с ней была суждена радость переписки, а это тоже немало. И я всю жизнь храню в душе благодарность за те письма. И надеюсь, что все у Софии сложилось удачно. Она ведь тоже отличница.

Отделение наше, хоть и называлось электромонтажным, все лето и осень с небольшими перерывами на интеллектуальный труд — разматывание катушек с кабелями внутри кольца синхрофазотрона, было занято рытьем траншей для прокладывания электрических и прочих коммуникаций. Как говорится, от забора и до обеда. И далее до ужина. Видимо, догадываясь о градусе трудового энтузиазма, нормы нам назначались посильные, и даже во время перекуров можно было почитать прихваченную с собой под ремешком книгу. Кроме меня других таких читателей не было, но, как известно, у всех свои недостатки. Два случая особо врезались в память. Первое — это проливной дождь, от которого спрятаться было просто негде, ибо мы были посреди траншей и никаких намеков на крышу или даже дерево в обозримом пространстве не было. Промокли, что называется, до нитки, мало того, набрали полные сапоги воды. И при этом было нежарко. Про себя я уже решил: крупозное воспаление легких обеспечено.

Просто обреченно ждал, когда мы направимся в казарму, чтобы там по возможности обсохнуть и высушить форму с сапогами. Дождялся. Старшина разрешил переодеться в повседневную форму, а рабочую отнести в сушилку. Выдал сухие портянки. После ужина с волнением ожидал появления первых симптомов простуды. Их не было. Наутро тоже. Вот как это объяснить? Ведь в домашних условиях заболел бы с вероятностью 200 процентов. Видно, организм, находясь в стрессовой ситуации, как-то регулирует свои силы и борется с микробами и вирусами с удвоенной энергией. Я могу объяснить только так. И слава богу. И организму. Еще вспоминаю день пионери — 19 мая.

Нет, мы его не праздновали, даже и не думали. Запомнился просто потому, что в этот день пошел кратковременный, но разлапистый снегопад с таким крупными хлопьями, которые нас просто повергли в ужас. Это же не Сибирь, не заполярный круг — Подмоскovie! Но он как начался, так и прекратился, а потом и потеплело слегка. Но в памяти остался.

Конец весны. Кукушке не до счета. И лес примолк. А полдень так далек...  
 Лишь прожурчит на повороте травой прошитый ручеек.  
 Еще грозой не отгрелом лето, настой не выпит жарких дней.  
 И песни, что еще не спеты — в душе моей, в душе моей...

Не могу сказать, что конец весны армейского года отмечен для меня какими-то песнями, кроме строевых. Зато он запомнился приездом родителей вместе с братом. Что сказать, чудесное ощущение, когда приезжают родители, когда ты, какой бы ни был взрослый, чувствуешь, что для них ты еще маленький, что они тебя готовы защитить, потому что ты — самый лучший. Они остановились в гостинице в Протвине, пришли на КПП, и прапорщик вывел меня к ним, напутствуя: «Смотри не нажрись там в умат. А то я вас знаю». Но нам хорошо и весело было и без алкоголя. Родителям понравился городок, дома среди сосен, лесной парк, воздух...

«Курорт», — сказала мама. «Да», — с сарказмом ответил я. Но лучший курорт дома. Я был похудевший, вернее сказать — постройневший. Настроение было вполне приличным. Родители остались довольны. Брат тоже. Жаль только, что время пролетело быстро. Но зато в казарму я возвращался с двумя сумками вкусностей. И за ужином мы нажрались маминых пирогов в умат. Некоторым пришлось даже распустить слегка солдатский ремень, потому что пузо начало проявлять свой характер. Кардинально за вечер никто не поправился, но настроение поправилось у всех. Сегодня, когда родители уже обжились на небесах, ловлю себя на мысли, что вдруг хочется позвонить маме или папе, услышать их голос, и тут же понимаю, что это невозможно. Никак. Навсегда.

А тогда я захватил с собой и показал им один из выпусков ротной стенгазеты «Штык», весь текст к которой обычно писал я и старался, чтобы был он по возможности веселый и по большей части рифмованный. Ну, и раз потащил ее родителям, значит, и мне она нравилась, считал, что показать ее не зазорно, даже наоборот. Жаль, не сохранилась она у меня, а ведь забрал несколько газет домой, когда демобилизовался. И не вспомню уже ничего, что писал тогда, над чем смеялась вся рота, и мне было приятно. Хотя пара строк в голове осталась. Все про того же Колю Борща. «Не от борща наш Коля сегодня утомлен. Борщу желаем Коле не пить одеколон. Отрыжка ароматная, но очень бледный вид. Совсем не в парикмахерской наш Николай сидит». Сидел Коля на «губе», был этим огорчен. Но на меня не обижен. Вообще, никто не обижался, читая «именные» четверостишия. Быть отмеченным в «Штыке» было даже престижно, что ли. Все понимали, что ничем это не грозит, и потому «критику снизу» воспринимали благодушно. Приходили смотреть из других рот, но делать такое же, видимо, было и лень, да и авторских коллективов больше не было. Говорю коллективов, потому что иногда рисунки и общее оформление делал Щетинин, который умел рисовать на уровне самодеятельности (мне дано — только на уровне детского сада). Но иногда я упрашивал ребят из оформительской бригады. Они числились в хоззвезде, у них была отдельная мастерская, где они занимались художественным оформлением всех мероприятий, проходивших в части. Это были настоящие профессионалы, выпускники художественного института. Им тоже нравилось пофан-

тазировать в стиле «штыковских» куплетов. Делали это они быстро и размашисто, получалось весело и здорово. Мы подружились, и я старался проводить у них в мастерской все свободное время.

К тому же у них постоянно работал маленький магнитофон, а записи были отменного качества: «Битлз», «Роллинг стоунз», только набиравшая популярность «АББА», «Червоны гитары», знаменитые оркестры... Однажды когда я сидел у них и рассматривал журналы, вошел парторг полка, недовольно посмотрел на меня и задал вполне естественный вопрос: «А что этот у вас делает?» На что старший художник, к моей искренней радости, произнес: «Да он помогает разводить краски и готовит бумагу для планшетов. Это чтоб мы не отвлекались на подсобные работы, чтобы дело шло быстрее». — «А-а-а, — протянул парторг, — тогда понятно. Но только чтоб без самодеятельности. Напишите мне рапорт, что он вам необходим для работы по вечерам, и я его подпишу, чтобы в расположении роты знали, где он». Рапорт был написан, и я последние месяцы почти каждый день заходил в мастерскую, иногда даже действительно помогая наклеивать бумагу на планшеты, грунтовать стекла или вырезать по готовому контуру буквы. Главное, что мне отныне было разрешено не посещать вечернюю прогулку и переключку. Я был при деле. За месяц до предполагаемого дембеля, примерно в октябре, командование предложило всем, готовившимся к убытию из славных военно-строительных войск, с целью ускорения процесса взять на себя какой-нибудь общественно полезный дембельский аккорд, после досрочного выполнения которого можно так же досрочно и покинуть часть. Народ с энтузиазмом откликнулся на задания по покраске, уборке, ремонту помещений, изготовлению наглядной агитации... Мы с художниками даже не сговаривались, они предложили: «Давай мы тебе сделаем несколько табличек для кабинетов, красного уголка, канцелярии... А ты скажешь, что это твоя работа. Может, на пару недель раньше уедешь» (сказано было по-другому). Два раза предлагать было не надо. Я побежал докладывать о своем аккорде, он был благожелательно принят, и я даже был внесен в предварительный список на увольнение 4–6 ноября. Ура! Таблички были стеклянные, с одной стороны их покрывали черным цапун-лаком, потом на нем писали текст, после этого буквы тонким лезвием счищались и заливались бронзовой краской. Получалось очень красиво, официально и торжественно.

Самое трудное — написать буквы. Дальнейший процесс — вырезание и заливка краской — и раньше доверялся мне, а уж тут — сам бог велел. Работа шла успешно, все обговоренные таблички были покрашены, буквы вырезаны... И вот когда они уже были и позолочены, а после этого аккуратно выставлены на ночь на подоконник для просушки... Случилось непредвиденное. Какой-то гад (как его еще назвать) именно той ночью решил, вернувшись после «самоволки» (бывало такое, хоть и нечасто), пробраться в часть, воспользовавшись как раз тем окном, на подоконнике которого сушились драгоценные таблички. Утром художники с изумлением обнаружили их на полу разбитыми вдребезги. Из пяти изготовленных целыми остались только две. Как раз вечером мне нужно было предъявлять их для подтверждения выполненного аккорда. Предъявлять было нечего. Фамилию мою из списка на досрочное увольнение благополучно вычеркнули. Имени того ночного странника мы так и не узнали. Что поделаешь... Можно было бы срочно изготовить новые таблички, но стеклянных заготовок не было, их должны были получить только в начале ноября. Потом выяснилось, что эта неудача задержала меня в части всего лишь на десять дней. Так что все было не так страшно. Уже 16 ноября моя фамилия прозвучала среди тех, кому надлежало оформлять документы на увольнение. А 19 ноября меня провожало все отделение. Чего было больше — грусти или радости? Конечно, радости. Но с ребятами расставался с гру-



стью. За этот год они для меня стали как братья. И это не пустые слова. Хотя потом мы так ни разу и не встретились. Судьба. А приказ министра обороны на демобилизацию меня застал за мытьем полов в казарме. Дедовщины у нас ведь не было, и потому все было по-честному. Но узнав о приказе, дружбаны сказали: «Бросай тряпку! Иди готовь дембельский прикид!» Я ничего не готовил, ни особого мундира с аксельбантами и офицерским поясом, ни альбома (потом, правда, об этом жалел), ни сувениров. Наоборот, главной мыслью было — приехать домой и поскорее забыть все это. Забыть не получилось. А качественная парадная форма (конкретно, брюки и ботинки) еще несколько лет потом выручала при всех осенне-полевых колхозно-совхозных работах. Суровый материал был. Нервущийся.

Два сапога отдал я старшине в последний день моей армейской службы,  
И прапорщик, всем сантиментам чуждый, швырнул привычно их к стене.  
Еще и буркнул недовольно мне в своей каптерке, вымытой до блеска,  
Что нерадивость, мол, имела место, а бережливости — в помине нет.  
Протер до дыр я оба сапога: все этот бег по местности неровной,  
Все этот шаг, то строевой, то вольный, да марш-бросок на мнимого врага.  
В солдатских мозолях моя нога. А я-то думал, сапогам нет сносу...  
Но прапорщик все курит папиросу, а я сдаю ему два сапога.

Не только в художественной мастерской находил я отдохновение для души. Было еще одно место в части, притягивавшее меня как магнит, откуда уходить вообще не хотелось, где забывались все тяготы армейского быта, а перед глазами были только корешки и обложки книг, их открытые страницы. Это библиотека. Прекрасная и неразворованная библиотека и ее светлая душа — Алла Владимировна Яшкина, интеллигентная и доброжелательная. «Утонченная, как мадригал» — это о ней. Мне она сказала, что таких читателей, как я, она не встречала. Я читал запоем везде, где позволяли условия и возможности (и даже если не позволяли). Старшина на это махнул рукой, называл меня «библиотечарским агентом» (с ударением на «а»). А Алла Владимировна собиралась мой читательский формуляр оформить в рамочку и вывесить в библиотеке как рекламный экспонат. Я и перед армией был достаточно начитанным, но там восполнил несколько пробелов. Внимательно прочитал и даже пытался изучать русскую поэзию XVIII—XIX веков, и это было очень полезно. Также перечитана была русская классическая проза. Ну и, наконец, планомерно просмотрены все толстые журналы, которые выписывала библиотека. Да, это не было временем их расцвета, но все равно чтением было интересным. Кроме того, тогда не упустил и новинки зарубежной прозы: «За стеклом» Робера Мерля, книги Джона О'Хары, Стена Барстоу, Вэнса Бурджейли, Джо Хеллера... Заново открыты были также Уильям Стайрон, Норман Мейлер, Ирвин Шоу, Ремарк и Сэлинджер... Алла Владимировна даже доверяла мне вести читательский прием в свое отсутствие, заполняя формуляры нечастым посетителям. Некоторыми бывальыми «стариками» мои почти ежедневные походы в библиотеку воспринимались со своей точки зрения, как бурный роман с библиотечаршей.

«А Спектор-то наш — ходок! Романист! Окрутил библиотечаршу. Книги, правда, таскает все время. Одним словом, бабник!» — одобрил мои действия один из старослужащих воинов, встретив после очередного моего возвращения с пачкой книг в руках. Но отношения наши были возвышенно-дружеские, и не больше. Может, проявил и инициативу, и действительно что-то могло получиться. Но не получилось. Мне было не до того. Да и не бабник. Но Аллу Владимировну вспоминаю часто. Тепло и со светлой грустью.

В полковой библиотеке благодать. я шагаю вдоль родной литературы.  
Далеко. Сержанта не видать. Рядом Пушкин и Белинский хмурый.  
Марширует с песней батальон. Вместе с песней в небесах летаю.  
В русскую поэзию влюблен, шагом строевым овладеваю.  
Я читаю, и мечтаю, и брожу. Возвращаюсь на вечернюю прогулку.  
И стихов как будто не пишу, только сердце бьется слишком гулко.

А стихи я все же там начал писать. Конечно, очень несовершенные. Показывал их я только Саше Щетинину как самому начитанному. Саша благосклонно просматривал мои опусы и обычно изрекал: «Недурственно. Пошли лучше съедим пирожное со сметаной». Все те мои творческие изыски забыты, и черновики давно выброшены. Но одно стихотворение удалось потом доработать. И оно сохранилось как привет из армии:

День осенний, дым осенний. На костер восходит лето,  
Продолжая представление с неоконченным сюжетом.  
Время кружит, ветер веет, снова смена декораций.  
Только небо голубеет да беспечно зеленеют листья легкие акаций.

Важнейшим из искусств, как завещал великий вождь, было признано кино, и поллитотдел воплощал завет в жизнь строго и неуклонно. Кино показывали еженедельно в большом кинозале, который, как только гас свет, почти моментально превращался в сонное царство. Это было нормально, все же ежедневный подъем в полшестого был тяжким испытанием для большинства из нас, потому спать хотелось, и теплый, уютный кинозал был неплохим местом для отдыха. А кино демонстрировали разное, от классики до новинок экрана. И хотя я тоже большинство фильмов видел сквозь дрему, запомнил, как ни странно, «Чапаева», «Воспоминание о будущем» (пытался смотреть, но все равно заснул) и «Калину красную» Шукшина. Сильный фильм. Его смотрели даже те, кто обычно и глаз не открывал. Еще раз повторю вождя: «Настоящее искусство всегда найдет дорогу к массам». Это верно.

Одет по форме и стою в строю. Перед глазами — полоса препятствий.  
В часах казарменных я время узнаю. В пространстве ротном начинаю обживаться.  
Еще служить всю службу мне, и от усталости я в кинозале засыпаю.  
И вижу дерево и девушку во сне... И рядом — слышу конницу Чапая.

Завершить свои армейские записки хочу случаем курьезным, но по отношению ко мне красноречивым. Часть наша располагалась в лесополосе не очень далеко от поселка Протвино. По протоптанной тропинке можно было дойти минут за двадцать. Существовала и автодорога, но она вела в объезд поселка, по ней привозили продукты, приезжали офицеры. Мы ею не пользовались. Так вот, еще весной, когда тропинка эта (мною, по крайней мере, точно) не была еще хорошо изучена, прапорщик дал мне задание отнести на почту какой-то пакет. Репутация у меня была солдата исполнительного, не склонного к неадекватным действиям, вполне надежного. К тому же взрослого, отучившегося в институте. Вот дал он мне пакет, прикинул, что туда полчаса (с запасом), назад столько же и на почте тоже не более получаса. «В общем, — сказал, — через полтора часа возвращайся. Ну, на мороженое тебе еще полчаса. Так что через два часа — чтобы был здесь как штык». «И пошли они, солнцем палимы...» То есть пошел я по этой тропинке. Солнце еще не палило, но пригревало, птицы пели... Было хорошо

и безмятежно идти не строем, без песни, не слыша «Эрысь, эрысь...» и так далее. О чем-то задумался, что-то вспомнил, может, мелодию какую... А сам иду. Только смотрю — тропинки не видать. Куда-то я сбился, посмотрел налево-направо — сплошные деревья. Куда идти? Кто его знает. Главное, понимаю, что тропинка где-то рядом, заблудиться в лесополосе трудно. А найти не могу. Походил, побродил, присел на пенек. И съел бы пирожок, да не было. Достал из-за пазухи книгу, сидел, читал. Через три часа прапорщик послал навстречу целое отделение, они меня и нашли, причем легко.

Сергеев сказал, что у меня «пространственный идиотизм», что больше никуда посылать, кроме нарядов по кухне, не будет. Ну, потом я эту тропинку освоил. Но в увольнения мы ходили редко и обязательно в компании. А в самоволке я ни разу и не был. Вот такая история. Я и сейчас с трудом ориентируюсь на местности, пугаюсь новых дорог, мне легко заблудиться. Что-то в этом есть, и это тоже определяет жизненный путь и умение легко преодолевать встречающиеся на нем преграды.

Я часто вспоминаю армию, задаюсь вопросом: нужна ли служба, лучше ли было бы без нее? Не знаю. В мои времена даже вопрос так не стоял. Были только варианты с местом прохождения ее и родами войск. Это было неизбежно, как обязательная часть биографии. С точки зрения получения каких-то знаний или умений особой пользы служба не принесла. Так получилось. Понимаю, что в других войсках было бы по-другому. Знаний даже поубавилось — подзабыл институтские лекции, потом на работе в заводском конструкторском бюро пришлось вспоминать и наверстывать. Здоровье тоже, вероятно, не стало крепче. Но на это и расчета не было. Но с точки зрения самоуважения, возможности находить общий язык с незнакомыми людьми, повышения коммуникабельности, приобретения житейского опыта, да и даже самореализации — польза, безусловно, есть. Как есть и будет со мной память о друзьях, о том, что хороших людей, несмотря на все трудности, встречалось больше. И они вспоминаются. А плохие — забываются. На прощание старший лейтенант Сердюк нам сказал: «Плох тот солдат, который не хочет стать ефрейтором!» Это он к тому, что нам всем перед увольнением присвоили звание ефрейторов — старших солдат. Хотя еще в сентябре предлагали поехать на офицерские курсы в Днепропетровск и получить лейтенантские погоны. Никто не согласился. Все хотели домой. В мирную жизнь. Которая была еще вся впереди.

Вспоминаю армейскую жизнь. Как шептал я себе: «Держись!»  
 Как гонял меня старшина и кричал мне: «А вдруг война?..»  
 Как я песни в строю орал, как потом в лазарете хворал.  
 Как до блеска я драил полы, как казался себе удалым,  
 Хоть и не был большим удалцом — хмурый воин с худущим лицом.  
 Но зато по команде «Отбой» засыпал я, довольный судьбой,  
 Потому что служил стране, и светилась звезда в окне,  
 Потому что как ни ряди — жизнь была еще вся впереди.